Выражение лица учительницы Кун стало мрачным. Улыбаясь холодной улыбкой, она окинула взглядом четырёх девочек. Её взгляд стал жёстким и холодным, подобно зимнему ветру и, заметив его, четыре сестры тут же замолчали. Их била мелкая дрожь. Они сделали это непроизвольно и теперь они просто молча стояли, пытаясь казаться почтительными. Однако они не могли полностью скрыть своего волнения.

Тишину нарушали лишь едва слышные всхлипы Молань. Она сжимала мокрый носовой платок и всеми силами пыталась выглядеть хоть немного изящно. Она осторожно посмотрела на учительницу Кун, ожидая, когда та выразит своё недовольство. Учительница Кун не стала медлить ни секунды. Не сказав ни слова, она прошла вперёд и села на стул в центре комнаты, после чего подозвала служанку и приказала ей принести четыре кисти, чернильный камень и четыре копии книги «Образец женщины». Всё это аккуратно разложили перед девочками.

Девочки были напуганы. Они нервно крутили в руках носовые платки и обменивались друг с другом испуганными взглядами. Лицо учительницы Кун напоминало застывшую маску, на нём не было ни тени улыбки.

— Каждая из вас перепишет это пятьдесят раз, — сказала она холодным тоном. — Если вы не способны выполнить это, мои уроки вам ни к чему.

Жулань была возмущена, она не желала принимать это наказание, но стоило ей только открыть рот, чтобы возмутиться, как учительница Кун посмотрела на неё самым своим тяжёлым взглядом и та немедленно осеклась. Хуалань недовольно кусала губы, однако она подняла кисть и принялась переписывать. Минлань мысленно вздохнула и последовала её примеру. Одна лишь Молань, не веря в происходящее, продолжала сидеть и смотреть на учительницу Кун. Слёзы словно застыли у неё в глазах. Учительница Кун же, не обращая внимания на девочек, взяла свиток с записями и принялась заниматься своими делами. У Молань не было другого выбора, кроме как неохотно начать переписывать.

Они занимались этим до самого заката, пока не настало время для ужина. Учительница Кун продолжала сидеть. Она лишь попросила служанок зажечь лампу, после чего приказала девочкам продолжить переписывать. Минлань писала до тех пор, пока у неё не отнялись руки и не начала кружиться голова, после чего подняла голову и посмотрела на своих сестёр по несчастью. Все они своим видом напоминали выжатый лимон, за исключением разве что Жулань, которая не переставала крутить головой в попытках выглянуть наружу.

Пришло несколько служанок, им было велено позвать детей к ужину. Когда они тихо сообщили это, то голодные и измотанные девочки тут же с надеждой вскинули головы. Однако учительница Кун проигнорировала всех и приказала служанкам передать, что «уроки ещё не окончены». Девочки тут же приуныли и опустили головы.

Минлань мысленно проклинала всё происходящее: «Я ни в чём не виновата, говорю вам!»

Спустя какое-то время учительница Кун посмотрела на водяные часы и приказала служанке:

— Пожалуйста, пригласи сюда господина и госпожу, а ещё позови наложницу Линь.

Девочки ужаснулись, понимая, что это происшествие станет известно всем. Кисточки в их руках стали подрагивать. Хуалань чувствовала себя особенно неуютно. Молань осторожно поглядывала на учительницу Кун, а Жулань со страхом думала о Шэн Хуне. Минлань не прекращала писать, хотя тоже почувствовала волнение. Она вспомнила, как её оставляли после уроков за косяки. Дежурный учитель, лицо которого напоминало морду демона, ждал, пока родители придут забрать своих отпрысков. Минлань не ожидала, что после перерождения ей перепадёт сомнительное удовольствие подвергнуться схожему обращению. Это было ощущение чего-то знакомого, будто бы ты встретил друга в чужой стране.

Вскоре после этого пришли Шэн Хун с женой и наложницей Линь. Заметив суровое выражение на лице отца, все девочки инстинктивно втянули головы в плечи. Учительница Кун встала, уступая место Шэн Хуну и Ван Ши. Вначале Шэн Хун отказался, но, немного подумав, они с Ван Ши всё-таки сели. Учительница Кун, в свою очередь, села на стул с ротанговой спинкой и предложила наложнице табуретку рядом с центральными сидениями. Наложница Линь благодарно поклонилась, но не стала садиться и просто стояла в стороне.

С того случая в комнате Ван Ши Минлань больше не приходилось видеть наложницу Линь. Так что теперь она с любопытством рассматривала её. Она была стройной, весь её облик был наполнен изяществом. Она была одета в платье цвета зелёной лилии с вышивкой в виде цветов сливы. Каждая деталь её облика выглядела элегантно и утончённо. Её волосы удерживала шпилька из белого нефрита с колокольчиком и при каждом её шаге этот колокольчик приятно звенел. Это резко контрастировало с обликом Ван Ши, которая носила простую шпильку с нефритовыми бусинами.

— Что за бедствие вы учинили на этот раз?! Признавайтесь сейчас же! — Шэн Хун с первого взгляда понял, что его дочери снова устроили какие-то проблемы. Он мрачно отругал их, пытаясь быть тактичным, после чего со сконфуженным видом повернулся к учительнице Кун. Ван Ши нервничала, глядя на двух своих дочерей, но ей было неудобно что-либо говорить. С другой стороны, наложница Линь сохраняла спокойствие и просто стояла с опущенной головой, не показывая волнения. Сами девочки сидели молча, не осмеливаясь произнести ни слова.

Когда всё поутихло, учительница Кун махнула служанкам и те немедленно направились выполнять её приказ, словно бы тренировались до этого тысячу раз. Двое из них вывели остальных внешних служанок из комнаты, дабы те не могли подслушать, другие двое закрыли все окна в комнате, после чего внутри осталось лишь несколько личных служанок.

Когда они закончили, учительница Кун улыбнулась Шэн Хуну и сказала с теплотой в голосе:

— Я прошу прощения за то, что потревожила вас всех сегодня. Обычно подобные случаи не требуют внимания стольких людей, но пожилая госпожа доверила их мне, так что я не имею права подвести её. Поэтому я пригласила сюда вас, господин, госпожа. Более того, юная Молань воспитывается наложницей Линь, так что я потревожила и её.

— Если вы желаете что-то сказать, то, пожалуйста, говорите прямо, — Шэн Хун поднял руки перед собой на уровень глаз и слегка поклонился. — Неужели эти демонята устроили неприятности и разозлили вас? — сказав это, он строго посмотрел на своих дочерей, отчего те сжались.

Учительниц Кун мягко покачала головой и ответила:

— Не то что бы я злилась. Дело в том, что эти девушки уже не маленькие и должны уметь различать что правильно, а что нет. Янь, подойди сюда и расскажи чётко, что произошло сегодня днём.

Услышав это, из-за спины учительницы Кун вышла молодая служанка. Она прошла в центр комнаты, поприветствовала всех и чётко изложила всю суть ссоры. Несмотря на свой юный возраст, служанка была достаточно красноречива, а её голос был громким и чистым. Она дословно пересказала всё, что говорили девочки, пока ссорились, ничего не убрав и не добавив. Услышав этот пересказ, девочки покраснели от стыда.

Выслушав служанку, Ван Ши подумала, что они раздули всё это из ничего. Это была просто обычная ссора между сёстрами, но чем дольше слушал Шэн Хун, тем более возмущённым он становился. Когда он услышал всю историю целиком, он с силой стукнул по столу и яростно выкрикнул:

— Вы даже не раскаиваетесь! Вы даже не встали на колени!

Девочки были так испуганны, что они немедленно упали на колени. Но учительница Кун остановила их:

— Погода сегодня холодная, а земля жёсткая. Неправильно будет застужать вам колени, — после этого она, всем своим видом демонстрируя своё сострадание, приказала служанкам принести четыре толстых парчовых молельных коврика и постелить их на пол. После этого она кивком головы сообщила, что теперь-то они могут встать на колени. Девочки выстроились в ряд, стоя на коленях. Минлань слабо владела благородным навыком стояния на коленях, так что она изредка покачивалась из стороны в сторону, но учительница Кун была достаточно добра, чтобы поправить её позу.

Даже крыша вздрогнула от того, насколько сильным был удар по столу Шэн Хуна. Он отчитывал стоящих на коленях девочек, указывая на них пальцем:

— Бессовестные! Вы настолько невоспитанные, что позволили себе так раскудахтаться? Да деревенщины неотёсанные и то более воспитаны, чем вы! Вы потомки семьи Шэн, вам нужно держать лицо! Хвала небесам, что все вы девочки! Будь вы моими сыновьями, не сомневаюсь, вы бы растранжирили всё богатство и собственность нашего дома! Устроить такой раздор в нашей семье! Отлично! Просто замечательно! Да за такое я вас до смерти выпорю!

После этого он сказал им, что собирается воспользоваться семейными законами. Минлань не видела семейные законы в действии, но Жулань была невежественна, а, следовательно, бесстрашна. Однако Хуалань и Молань были испуганы до слёз. Ван Ши собиралась попросить милости, но, увидев, насколько разъярён был Шэн Хун, она лишь сжала в руке носовой платок и не посмела открыть рот. Вместо этого она смотрела на учительницу Кун молящим взглядом.

— Господин, не нужно злиться. Наказывать, не разобравшись в ситуации, будет неправильно, — улыбнувшись и замахав руками, возразила учительница Кун. — Нам нужно донести до них то, где именно они ошиблись. К тому же, часть стыда лежит и на мне, поскольку я учу их. Если вы позволите мне быть несколько дерзкой, я ведь сейчас, по сути, наполовину их госпожа. Вы позволите мне разобраться с этим?

Шен Хун повернулся к учительнице Кун и произнёс с облегчённым видом:

— Ваши знания и выдержка — это воплощение добродетели и пример для всех нас. Когда вы были во дворце, вас просили об услугах многие благородные семьи. К тому же, для этих нескольких демонят не будет вреда от вашей просьбы.

Учительница Кун бросила взгляд в сторону стоящих на коленях девочек и спросила:

— Девочки, вы знаете в чём ваша ошибка?

— Да, знаем, — в ответ нестройным хором раздалось.

— И в чём же вы, по-вашему, ошиблись? — снова задала вопрос учительница Кун.

Выражения лиц девочек изменились. Та, что кусала свои губы, начала кусать их ещё сильнее. Та, что плакала, принялась плакать громче. Та, что была недовольной, теперь выглядела ещё более недовольной. Ну а та, что выглядела ошеломлённой, всё ещё продолжала так выглядеть.

Хуалань принялась отвечать первой, всё ещё продолжая кусать губы:

— Эта дочь знает свои ошибки. Мне не следовало отчитывать мою младшую сестру и раздувать из этого конфликт. Я прошу у вас прощения за то, что заставила вас злиться и волноваться.

Ван Ши взглянула на Шэн Хуна, не зная, какой будет его реакция. Выражение его лица было непроницаемым. Учительница Кун перевела свой холодный взгляд на Молань. Молань, дрожащая, словно ива на ветру, очевидно, была напугана и понимала, что ошиблась.

— Эта дочь тоже знает свою ошибку. Мне не следовало так грубо отвечать старшей сестре.

Краешки бровей учительницы Кун слегка приподнялись. Следующей была Жулань, неохотно

пробормотавшая:

— Я не должна была ругаться со старшей сестрой.

Наконец пришла очередь Минлань. Минлань очень хотелось заплакать, но слёзы отказывались течь. Она пыталась придумать, что ответить, но ничего не шло ей в голову. Поэтому она долгое время просто сидела и молча краснела.

— Я… Я правда не знаю… — наконец, смущённо ответила она.

Шен Хун внезапно взял себя в руки. Он снова и снова вспоминал пересказ произошедшего от молодой служанки и он не мог не согласиться с тем, что Минлань действительно была не виновата. Она не вступала в перепалку, никого не подстрекала, не разжигала ссору. Нет, она, скорее, пыталась помочь своим сёстрам советом и из-за этого она попала под горячую руку и теперь тоже стояла на коленях. Он ощутил сочувствие к своей младшей дочери, которой перепало ни за что. Но затем он перевёл взгляд на Молань, которая до сих пор скорбно рыдала. Шэн Хун вспомнил холодные, саркастичные слова Хуалань и Жулань. И почувствовал, как его злость вновь разгорается. Указав пальцем на Хуалань, он вновь принялся отчитывать её:

— Ты самая старшая, ты намного взрослее, чем они! Мы думали, что мы можем поручить тебе заботу о твоих младших сёстрах, что ты сможешь быть им примером! Но я не ожидал, что ты окажешься такой жестокой! И не проявишь ни капли любви к своим младшим сёстрам! Когда ты выйдешь замуж, ты наверняка опозоришь семью Шэн!

Ярость пылала в Хуалань, словно пламя. Она изо всех сил сжала руки в кулаки и неохотно опустила голову, не произнеся ни слова. Затем Шэн Хун перевёл свое внимание на Жулань.

— Ты ещё такая маленькая, а уже себя так ведёшь! Ты несёшь всякую чушь, беспочвенно обвиняешь! «Где ты нахваталась таких коварных приёмчиков», «ты явно не против наложить руки на то, что принадлежит другим»! Молань — твоя старшая сестра! Разве есть хоть одна младшая сестра в мире, которая будет так разговаривать со старшей? Ты довела её до слёз и даже потом не отступила! Разве я не рассказывал тебе историю о Кун Жуне, который делился с братьями грушами? Что за невоспитанность?!

Обладавшая взрывным темпераментом Жулань немедленно возмутилась, услышав то, что Шэн Хун сказал в её адрес.

— Почему всё хорошее в первую очередь перепадает ей? В прошлом году мой дядя привёз кусок качественного нефрита, чтобы сделать для меня украшения! Но когда четвёртая старшая сестра увидела его, она тут же начала плакать! Она плакала и жаловалась, что у неё нет такого же дяди и, услышав это, отец подарил этот нефрит ей! А ещё был случай, когда отец привёз квадратный кусок лардерита, чтобы сделать печать для старшего брата! Но потом отдал его третьему старшему брату! Отец, почему мы всегда должны следовать её просьбам? Я отказываюсь это принимать! Отказываюсь!

Шен Хун вскипел. Дрожащей от злости рукой он замахнулся, собираясь встать и ударить Жулань по пятой точке. Ван Ши поспешила остановить его. Она обхватила его руку и со слезами на глазах взмолилась:

— Господин, пожалуйста, не будьте столь предвзятым! Все дети в этом возрасте совершают ошибки. Учительница Кун обошлась со всеми ними честно. А вы отчитываете только тех, кого родила я! Если вы настолько не любите меня, господин, возможно, мне стоит просто умереть?

На некоторое время комната погрузилась в хаос. Наложница Линь опустила голову и осторожно вытерла слёзы с уголков глаз. Молань вновь начала рыдать. Учительница Кун взглянула на них обоих. В её взгляде читалось презрение. Она поставила чашку и встала, улыбаясь Шэн Хуну.

— Господин, во-первых, вам не следует так злиться. В конце концов, это не было настолько серьёзной ошибкой. Моя работа заключается в том, чтобы делать всё как подобает. И это моя вина в том, что я позволила господину и госпоже так разозлиться.

— О чём вы говорите, учительница? — Шэн Хун замахал руками. — Всё потому, что я небрежно отношусь к управлению своей семьёй. Настолько, что позволил вам увидеть эту унизительную сцену. К счастью, вы с матушкой старые друзья, так что вы для нас словно старший родственник. Так что было прекрасно, если бы вы говорили, что думаете.

Поднявшись со своего стула, учительница Кун обратилась к девочкам:

— Большинство вещей в этом мире подчиняются законам логики. Я никогда не любила двуличности. И совершенно не в моём стиле говорить одному человеку одно, а затем за его спиной другое. Это вызывает недопонимание. Так что я скажу это раз и навсегда как вам, так и вашим родителям. Вы все признали, что знаете свои ошибки, но я вижу, что это может быть не совсем так. Так что я спрошу вас кое-что.

Девочки не издали в ответ ни звука. Учительница Кун продолжила:

— Давайте начнём с причины. Четвёртая юная госпожа, поднимите голову. Я хочу задать вам вопрос. Пятая юная госпожа обвинила вас в том, что вы перетягиваете на себя внимание, предназначенное первой молодой госпоже. И тем самым мешаете её обучению. Вы признаёте это?

— Это всё потому, что я столь молода, — на глаза Молань вновь навернулись слёзы. Она отвечала грустным и тревожным голосом. — Я решила, что то, что вы приехали — это редкий шанс. Я решила постараться научиться большему, чтобы отец зауважал меня и чтобы моя репутация в семье повысилась. Я не ожидала, что мои сёстры будут так недовольны этим, это всё моя вина.

Шен Хун вспомнил жалобы Ван Ши за прошедшие несколько дней. И бросил недовольный

взгляд в сторону Хуалань. Внутри Хуалань вновь начала разгораться ярость. Она едва удерживалась от того, чтобы броситься на эту красноречивую младшую сестрёнку. Ван Ши крепко стиснула зубы. Учительница Кун тихо рассмеялась и ответила:

— Четвёртая юная госпожа, вы умны и сообразительны. И ваша речь была тщательно продумана. Однако позвольте предупредить вас: не слишком-то полагайтесь на свой ум и хитрость, считая других дураками. Быть слишком умным тоже может быть плохо.

Услышав это, Молань прекратила рыдать. Она широко распахнула глаза и с недоверием посмотрела на учительницу Кун, затем перевела взгляд на Шэн Хуна. В её глазах читалось возмущение тем, что её неправильно поняли. Сам Шэн Хун же не понял, что именно имела в виду учительница Кун.

Сделав вид, что ничего не произошло, учительница Кун невозмутимо продолжила:

— У вас было две ошибки. Первая — это ошибка неправильных слов. Не следовало пререкаться с сёстрами. Не нужно постоянно вспоминать о том, кто законный ребёнок, а кто ребёнок наложницы. Пускай я недолго пробыла в этом доме, но я хотела бы, чтобы вы мне ответили по совести, четвёртая юная госпожа. Насколько хорошо к вам относится господин Шэн? Каждый раз, когда вам что-то не нравится, вы тут же начинаете плакать, как будто сейчас умрёте и закатывать совершенно необоснованную истерику. Разве такое поведение подобает девушке из хорошей семьи?

Молань лишь тихо всхлипывала в ответ, а наложница Линь начинала нервничать. Было заметно, как она ёрзает. Она смотрела на Шэн Хуна молящим взглядом, но тот не обращал на неё внимания, увлечённый словами учительницы Кун.

— Во-вторых, ваши намерения были бесчестными, — продолжила учительница Кун. — Вы утверждали, что хотите заполучить уважение и повысить свою репутацию. Но разве вы единственная юная госпожа во всей семье Шэн? Если это не так, то разве репутация семьи Шэн зависит только от вашей репутации? А что насчёт ваших сестёр, разве им не нужно повышать свою репутацию? Не следует забывать о том, что изначальной целью моего визита была ваша старшая сестра. Вы не думали о том, сколько ещё с вами пробудет ваша старшая сестра. Спустя несколько месяцев она выйдет замуж. И она попадёт в семью Бо, в которой очень ценят правила и этикет. Почему бы хоть раз не подумать о ваших сёстрах, в особенности о приближающихся трудностях для вашей старшей сестры? Я слышала, что ваша мать, наложница Линь, тоже происходит из уважаемой семьи. Разве она не рассказывала о том, что каждому человеку, молодому, старому, законнорождённому или ребёнку наложницы, всем им всегда нужно следить за своей честью?

Шен Хун всегда был понимающим человеком, но поскольку он обожал наложницу Линь, он относился к Молань «слегка» предвзято. Но сейчас, когда он услышал речь учительницы Кун и взглянул на ситуацию с другой точки зрения, он осознал, что её слова правильные. Если взглянуть на всё с этой стороны, очевидно, что Молань эгоистична и узко мыслит. Теперь, когда он смотрел на наложницу Линь и Молань, он относился к ним не так, как раньше. Минлань, до сих пор стоящая на коленях, посмотрела на наложницу Линь и увидела, как та

крепко сжимает в руках носовой платок. Её руки были настолько напряжены, что на тыльной стороне ладоней проступили вены.

— Четвёртая молодая госпожа, — тем временем продолжила учительница Кун. — Я знаю, что обычно вы стремитесь быть первой во всём, но у каждого своя судьба, которой не избежать. На первый взгляд кажется, что сегодня первая молодая госпожа просто придиралась к вам, но на самом деле вы тоже виноваты. За прошедшие десять дней вы соревновались с ней во всём, пытаясь хоть где-то обогнать её. Когда что-то идёт не так, как вам хочется, вы ноете и жалуетесь на то, что вы дочь наложницы. Это ваше поведение. Вы хоть раз думали о малейшей капли сочувствия между сёстрами? Вы хоть раз думали хотя бы о половине доброты вашего отца?

Эти вопросы звучали безобидно, но каждый из них попал в точку. Молань не знала, что ответить, поэтому она продолжала плакать, на этот раз беззвучно. Не в состоянии произнести ни слова, она вновь посмотрела молящим взглядом на Шэн Хуна и вздрогнула, увидев, что тот не смотрит на неё. Посмотрев на него осуждающим взглядом, она перевела взгляд на наложницу Линь и увидела, что хоть та и была зла, но тоже не могла выговорить ни слова и, следовательно, не могла помочь. Внутри Молань всё похолодело, она удручённо шлёпнулась на пол, вытирая слёзы.

Учительница Кун повернулась в сторону Шэн Хуна и поклонилась.

— Недавно вы заметили, что пожилая госпожа моя подруга, так что я возьму на себя смелость сказать, — с теплотой в голосе сказала она. — В семьях, в которых много детей, родители должны относиться к детям честно и не заводить любимчиков. Только тогда семья сможет по-настоящему жить в мире. И несмотря на то, что предполагается, что сёстры должны искать компромиссы, как правило, это происходит так: сегодня уступает одна, а завтра уступает другая. Бессмысленно просить кого-то отступиться несколько раз подряд. Со временем это неизбежно станет причиной вражды между сёстрами. Вы так не считаете, господин?

Она была в возрасте, тон её голоса был выдержан и приятен для слуха, к тому же, сами слова были точны и понятны. Эта речь повлияла на всех, кто услышал её. Поразмыслив, они пришли к единогласному мнению. Шэн Хун задумался о том, как он поступал ранее. Чувства дочерей не слишком-то заботили его. Он больше волновался о том, что его сыновья могут затаить обиду и этим разрушить семью Шэн. В конце концов, существовали правила, которые регламентировали различные отношения к законнорождённым детям и к детям наложниц. А он был слеп, когда относился к детям наложницы Линь слишком щедро. Пускай со временем он и начал побаиваться, что если ничего не изменить, то случится катастрофа. Но сейчас, когда он понял всю серьёзность проблемы, его едва ли не бросило в холодный пот.

— Да, я понимаю, — пробормотал он, торопливо кланяясь учительнице Кун.

Непрошенные горячие слёзы внезапно полились из глаз Хуалань. Ван Ши тут же достала носовой платок и промокнула ей глаза. На лицах как матери, так и дочери читалась молчаливая благодарность учительнице Кун. Что до Минлань, то, когда она услышала эти слова, у неё буквально загорелись глаза. Ей захотелось упасть ниц и восхищаться

учительницей Кун.

«Как грубо, как прямолинейно! Но сколько же благоговения это внушает!» — думала она.

Закончив с Молань, учительница Кун повернула голову в сторону Хуалань. Хуалань неожиданно ощутила спокойствие. В ней потухли все остатки былой злости. До сих пор стоя на коленях, она выпрямилась и приветливо посмотрела на учительницу Кун, ожидая её наставлений.

— Первая молодая госпожа, вы являетесь старшей дочерью семьи Шэн, — строго сказала учительница Кун. — И вы больше знаете о чести, чем ваши сёстры. Но не только господин, а даже сама пожилая госпожа чрезвычайно баловала вас. И этот избыток внимания сделал вас заносчивой. Когда вы недовольны вашими младшими сёстрами, вы жёстко отчитываете их. Но, как правило, никто не отчитывает вас. Что ещё хуже, так это то, что вы на протяжении последних десяти дней старательно лелеяли огонь в своём сердце.

Хуалань согласно склонила голову. Глядя на неё, учительница Кун произнесла:

— Первая юная госпожа, позвольте мне честно сказать вам кое-что неприятное. Дочерей всегда балуют, это их неотъемлемое качество. И в своём доме быть избалованной и испорченной не зазорно. Но, выходя замуж, о таком поведении следует немедленно забыть. Вы должны быть почтительной и услужливой по отношению к родителям своего мужа. Следует быть тактичной и заботиться о своём муже. И более того, следует быть вежливой и приветливой по отношению к сёстрам вашего мужа и жёнам его братьев. Нельзя просто так взять и обидеть кого-то из семьи вашего мужа. Одно неправильное действие и вы немедленно окажетесь крайней. Как же я должна учить вас этому, если даже сейчас вы не способны быть достаточно тактичной? Даже если виновата была ваша четвёртая младшая сестра, вам не следовало так холодно и насмешливо отчитывать её. Долг старшей сестры — найти подходящий способ указать младшим сёстрам на их ошибки и при этом не пошатнуть взаимоотношения между сёстрами.

— Но четвёртая младшая сестра никогда не слушала меня и попытки убедить её ни к чему не приводили, — не удержавшись, возразила Хуалань. — Учительница, пожалуйста, подскажите, как мне справляться с такими проблемами?

— Это зависит от ваших личных способностей, — холодно заметила учительница Кун. — Если вы не можете решить проблему, связанную с родной сестрой, то потом, когда вы выйдете замуж, вас со всех сторон будут окружать чужие люди, которых вы не знаете. Родители мужа, его сёстры, братья и их жёны, не говоря уже про слуг. Как же вы собираетесь справляться тогда? Не думаете же вы, что ваши отец и мать поддержат вас даже там?

Хуалань, внимательно слушавшая слова учительницы Кун, была поражена ими до глубины души и теперь молча обдумывала их. Более опытная в этих делах Ван Ши, зная, что эти слова были проявлением доброты от учительницы Кун, решила выразить свою благодарность.

— Учительница, эти слова были сказаны вами от всего сердца! Вы проявили к Хуалань исключительную доброту, и она непременно запомнит это! Ну же, Хуалань, поблагодари учительницу.

Хуалань до сих пор была ошеломлена, так что домоправительница Лю Кун надавила на её спину, дабы та выполнила низкий поклон. Видя, насколько эффективно учительница Кун обработала двух её старших сестёр с помощью одних лишь слов, Жулань заранее послушно склонила голову. Взглянув на неё, учительница Кун бесстрастно произнесла:

— А вы сегодня особенно впечатлили меня, пятая юная госпожа. Сперва у двух ваших старших сестёр было всего лишь небольшое разногласие, которое в итоге ни к чему бы не привело. Однако, увидев, что эта проблема была незначительна, вы не только не постарались урегулировать конфликт, но, напротив, вы только разжигали его. Несмотря на ваш молодой возраст, вам не следует проявлять подобную бестактность как в словах, так и в действиях. Ранее ваш отец сказал вам пару слов. И, пускай эти слова были неприятными, вам не следовало быть столь непослушной и пререкаться. Будь моя воля, я наказала бы вас куда сильнее, чем ваших сестёр.

Жулань уже собиралась возмущаться, но слишком красноречивый взгляд Шэн Хуна мгновенно утихомирил её. Она принялась низко кланяться и повторять:

— Я не права, я ошиблась! Пожалуйста, простите меня, отец! Я не посмею говорить такое в следующий раз!

Видя, что Жулань признала свою ошибку, Шэн Хун сумел утихомирить свой гнев. Он понимал, что его дочь была непослушной и излишне прямолинейной. Но сейчас, когда она раскаивалась, он уже не злился на неё.

Наконец глаза учительницы Кун остановились на Минлань. Минлань нахмурилась и тут же приняла подобающую позицию. Она храбро подняла голову и столкнулась взглядом с учительницей Кун.

— Должно быть, ты чувствуешь, что ты не виновата и тебя не следует обвинять, не так ли?

Поразмыслив некоторое время, Минлань согласно кивнула.

— Позволь мне научить тебя одной вещи, — безмятежным тоном сказала учительница Кун. — Братья и сёстры из одной семьи разделяют свою репутацию, как хорошую, так и плохую. Так что даже пускай ты и не виновата, но три твоих сестры виноваты. А следовательно, ты ответственна за это, даже если ты не совершала ничего плохого. Так что я накажу тебя вместе со всеми. Поняла меня?

У Минлань отпала челюсть. Краем глаза она заметила, как служанки учительницы Кун приносят розги. Её затошнило и она едва не упала в обморок. «Эта! Эта! Эта! Это же просто

круговая порука!» Это было настолько несправедливо! Но, к сожалению, это были древние времена. Нельзя было не соглашаться, Минлань могла лишь угрюмо кивнуть головой.

Шен Хун почувствовал жалость к Минлань. И, не в состоянии удержаться, попросил пощады:

— Учительница, в конце концов, Минлань не сделала ничего плохого. К тому же, она самая младшая из них и у неё слабое тело. Лучше просто устно отругать её и не наказывать, она всегда была послушной и разумной. Она точно запомнит этот урок.

Однако учительница Кун не желала принимать полумер.

— Это невозможно. Если мы сейчас пощадим её, это лишь вдохновит других детей не вмешиваться в будущем. Подумай о братьях. Что будет, если все они будут лишь смотреть на то, как с другой стороны реки будет разгораться пожар? Её следует наказать. Это научит их тому, что значит быть одной семьёй.

«Какого чёрта меня должны побить розгами, чтобы остальные поняли свои ошибки?» — Минлань мысленно рыдала от горя.

Учительница Кун вышла вперёд и тихо произнесла:

— Я никогда не делала замечаний по поводу разногласий сестёр. Эти десять дней я прикидывалась глухонемой, думая, что вы, девочки, действительно сёстры и в итоге сможете разрешить конфликт сами. Я терпеливо дожидалась этого, однако, я не ожидала, что вы разругаетесь, будто семья бедняков, у которых не хватает еды и одежды. В тот момент вы действительно не отличались от них. Не было видно ни малейшего следа манер юной госпожи из успешной семьи. Это очень сильно разочаровало меня. Есть непреложное правило: если клан хочет процветания, его братья и сёстры должны работать как единый организм. Много больших кланов начинают рассыпаться именно по этой причине. Я надеюсь, что каждая из вас полностью поймёт последствия своих действий.

Слушая её слова, Шэн Хун согласно кивал. Он чувствовал, что это имело смысл. Если они собирались перебраться в столицу в будущем, было бы лучше, если бы они не устраивали таких постыдных случаев. Учительница Кун поделилась с ними крупицами мудрости. Даже он понимал это. Впрочем, как и ожидалось от человека, приехавшего из дворца.

Учительница Кун, наконец, вынесла финальный вердикт:

— Итак, каждую из вас ожидает десять ударов по рукам, и, когда вы вернётесь, вы продолжите переписывать «Образец Женщины» пятьдесят раз. Тем из вас, кто не перепишет до завтра, нечему у меня учиться, — сказав это, она вытащила розгу из общего пучка. Она была сделана из старого бамбука. Твёрдая и прочная, в свете свечей она слегка отливала красным светом. Звук рассекаемого ею воздуха вполне мог напугать кого-то. Жулань немедленно стушевалась и с мольбой уткнулась в одежды Ван Ши. Молань вновь начала испуганно плакать. Хуалань

высоко подняла голову, продолжая кусать губы, а Минлань впала в состояние, близкое к коматозному.

Учительница Кун глубоко вздохнула и окинула взглядом находящихся в комнате людей.

— Несмотря ни на что, в конце концов, вы, девочки, всё ещё изящные юные девушки. Не следует выносить случившееся за пределы этой комнаты, дабы не испортить вашей репутации.

Затем она приказала четверым служанкам взять по розге и подойти к каждой из девочек. Ван Ши уставилась на розгу и поняла, что не может больше терпеть. Она уже собиралась попросить пощады, как вдруг услышала деликатный и мягкий голос.

— Учительница, пожалуйста, подождите.

Когда все повернулись на голос, оказалось, что эти слова произнесла наложница Линь.

http://tl.rulate.ru/book/5280/399203